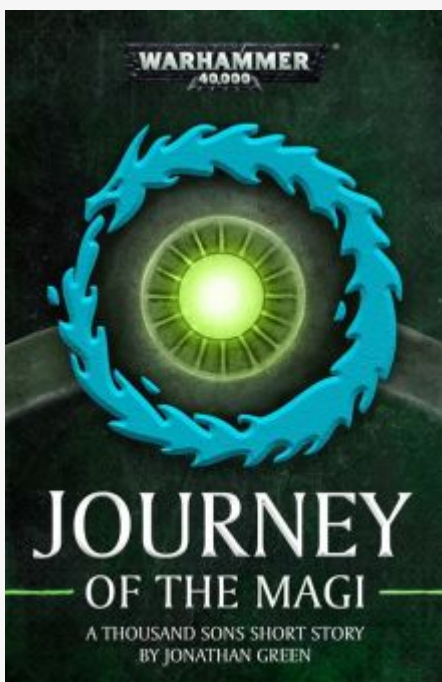

Странствие магов / Journey of the Magi (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Странствие магов / Journey of the Magi (рассказ)

Автор [Джонатан Грин / Jonathan Green](#)

Переводчик [Летающий Свин](#)

Издательство Black Library

Входит в сборник [Inferno! Vol.4](#)

Год издания [2019](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

В искусственном мире вдали от света солнца из портала вышли три колдуна Тысячи Сынов. Им предстоит встретиться с древними ужасами, однако ждущий в конце трофей стоит любых рисков. Чародеи давно искали Божью звезду, из разных источников по крупице собирая информацию о её местоположении. Бессмертные стражи этого места

спят, но оно не беззащитно, и дети Просперо дорого заплатят за искомое, узнавая древние тайны некронов.^[1]

Сфера, известная как Божья Звезда, вращалась в пустоте, как и бесщётные зоны до этого. Скорее артефакт, чем мир, она не находилась в плену гравитационного колодца ни одного небесного тела. Свет умирающих солнц едва пробивался сквозь окружавшую её маслянисто зелёную корону, заливая монолитные сооружения, что усеивали поверхность конструкции размером с комету, люминесцентным сиянием.

Под энергетическим щитом, у пирамидального строения из гладкого обсидиана, пространственно-временной континуум вдруг искривился. Из прорехи в реальности излились коралловые нити варп-вещества и аквамариновые эфирные энергии. Складываясь в отростки, они вели себя подобно щупальцам глубоководного чудовища, обшаривая границы новой обители.

Колеблющаяся корона калейдоскопических цветов расширилась, и перед пирамидой открылась брешь. Из портала на обросшие кристаллами льда чёрные, как космическая бездна, камни церемониальной дороги ступили три фигуры.

Первым появился Протокок Всевидящий, варповый маг легиона Тысячи Сынов. Жуткое зелёноватое свечение, исходящее из высеченных в кладке пирамиды каналов, отразилось от поножей и наручей его бирюзового доспеха, и когда он сделал шаг, закреплённое на поясе знамя с переливающимся золотым символом всколыхнулось на незримых ветрах имматериума. Встрепенулся и укрывавший плечи кроваво-красный плащ. В руке Протокок стискивал увесистый, скованный проклятьем клинок из звёздного вещества, который как будто поглощал свет.

Вторым возник ещё более впечатляющий своим видом чародей-магистр Опадос в затейливо украшенной терминаторской броне, что пережила падение Тизки и сожжение Просперо. Несчётные боевые шрамы и следы ремонта на латах придавали воину внушительности, которую могли подарить только возраст и опыт. Багряная накидка, закреплённая на автореактивных наплечниках, хлопала на эмпирейном ветру. Из бирюзового шлема извивалась пара сплюснутых золотых рогов, выложенных платиной и ляпис-лазурью. Эти же элементы повторялись в проекциях, венчавших психосиловой посох у него в руке; встроенное в навершие изумрудное око-камень хаотично вращалось и моргало. Впрочем, даже трёхметровый Опадос казался карликом по сравнению с сооружением, что вздымалось перед ним на высоту, превосходившую его рост более чем в двадцать раз.

Архимагистр Тритос, последний из тройцы, не вышел из портала, но скользнул сквозь него, уверенно стоя на спине создания, что представляло собой рождённое в варпе слияние невозможной плоти и украшенной золотыми гравировками стали. Оно походило на округлую платформу, если не считать девять больших золоченых лезвий, выступавших из боков существа на равноудалённых расстояниях, меж которых таращились и моргали девять водянистых глаз — каждая их часть, от мясистых век до белков и деформированных радужек, переливалась оттенками синевы.

И сам властелин демонов выглядел не менее грозно, чем приручённый им зверь варпа. Колдун был закован в бирюзовые боевые латы, окаймлённые золотом и выложенные драгоценными камнями. Змеиный знак Тысячи Сынов, украшавший левый наплечник, медленно полз в погоне за пламенеющим хвостом. Броня, защищавшая правое плечо чародея, несла на себе извивающуюся эмблему культа времени — раздувающуюся змею, беременную неисчислимыми вариантами будущего.

Огромные золотые рога, детализированные настолько тщательно, что казалось, будто они растут из головы колдуна, а не были созданы ремесленником в кузне, поднимались из макушки шлема, тогда как другие, похожие на сайки отростки закручивались вниз, обрамляя визор возвышенного чародея.

Его узорные доспехи наполовину скрывались под тяжёлыми облачениями. Расшитая золотом алая риза придавала ему схожесть с мудрецом или жрецом, а благодаря латам в нём безошибочно узнавался могучий воитель.

Нагрудник посечённой войной и варпом брони украшал жук-скарабей размером с человеческую голову. Высеченный из цельного куска красного алебастра, он как будто цеплялся за панцирь чернокнижника, выглядя так, словно мог в любой момент расправить крылышки и упорхнуть прочь.

В часы Фаронской эры на древней Терре, много эонов тому назад, примитивные люди того смутного и далекого времени верили, что бог-скарабей обновляет солнце каждый день, катя его по небосклону, а после заката продолжая толкать светило через подземный мир, дабы затем явить его вновь с первыми лучами зари. Так продолжалось день за днём, сезон за сезоном, год за годом, целую вечность.

Посему не случайно жук стал знаком культа времени, входившего в секту Алого Скарабея. Магистры этой группировки считали время гобеленом, который можно расшивать и перекраивать так, как им заблагорассудится. Они странствовали по варпу, распуская нити прошлого и связывая их обратно воедино, чтобы отголоски произошедших событий отдались эхом спустя века и помогли им в завоеваниях грядущего. Для возвышенного колдуна-магистра Алого Скарабея прошлое, настоящее и будущее были понятиями переменчивыми и взаимозаменяемыми, если к тому призывали обстоятельства.

Нематериальная воронка за спинами трёх магов свернулась и закрылась. Отголоски хлопка смещённого воздуха, последовавшего за запечатыванием прорехи, прокатились по поверхности мира-кометы подобно смеху, а ударная волна в эфирном спектре прошла по внутренней части мерцающего поля зелёной энергии, что растянулась от края до края горизонта.

Архимагистр Тритос из Вестников Судьбы с презрением оглядел высившуюся перед ним угловатую пирамиду. Сработанные в виде драконьих голов выпускные каналы, выступавшие из силового ранца, что питал энергией доспех колдуна, последовали его примеру, уставившись на сооружение немигающими золотыми глазами.

Ведущая к пирамиде церемониальная дорога представляла внушительное зрелище — по обе её стороны тянулись проложенные с геометрической точностью каналы, пульсировавшие тем же ярким изумрудным светом, что извивался в болезненной авроре над рукотворной Божьей звездой.

Без единого слова троица чародеев двинулась по каменному проспекту. Архимагистр на диске возглавил отряд, демоническая сущность оставляла за собой радужный след из эфирного вещества, в то время как вышитые золотые знаки, украшавшие кайму на рябьщих одеяниях Тритоса, как будто двигались в собственном странном и непостижимом танце.

Ведущие в пирамиду врата, высотой не уступавшие линейному титану, были из гладкого оникса, испещрённого лишь последовательностью кругов и линий, которые образовывали межевальный глиф невероятно древней династии, что создала комету. Этот символ Тритос встречал снова и снова, от Ковариана IV до Порт-Грозоцита, вырезанный на руинах из призрачной кости альдари в Движущихся пустынях Осириса-Примуса, а также выведенный кровью в несметных фолиантах с писаниями безумного пророка Мортсава в пыльных библиотеках Келока, что в мёртвом мире Нартакс. И только теперь

чародей понял истинный смысл эмблемы, ускользнувший от него в тот первый раз, когда он узрел её в зеркальных водах гадательного омута.

Знак, состоявший из трёх пересекающихся кругов, совмещённых один на другом в зелёно-чёрном камне и почти белом свете, принадлежал Нефрехской династии вековых некронтир.

Слабый свет Звёзд Гало силился проникнуть сквозь мерцающую гаусс-защиту, окружавшую сконструированную некронами комету. Бирюзовые с золотом доспехи колдунов купались в патиновом блеске небесного щита, отражаемое от их полированной боевой брони сияние рябило на ониксовых стенах церемониального проспекта, отчего казалось, будто маги идут в пелагических глубинах океанического мира, а не по тверди цитадели посреди неизведанного космоса.

Никто, помимо бессмертных фэронов самой некронской расы, не ведал, сколько таких небесных механизмов и вневременных реликвий дрейфовало по безбрежной Галактике. Название «Мир-механизм» до сих пор шепотом произносилось в звёздных системах сотни секторов, от Рифов Меланоптеры до племенных угодий отколовшихся септов Империи Т'ау в Дамокловом заливе. Но он был не единственным в своём роде воплощением миропреобразующей мегатехнологии некронов.

Божья звезда являлась ещё одним таким древним артефактом, неизвестным для бесчётных разумных видов, что населяли Галактику. В действительности о её существовании не догадывался никто, кроме самих некронов, а также трёх сыновей Алого Короля, той самой троицы, которая определила её местоположение, изучая клинописные тексты на обожжённых глиняных табличках с бесплодной За'хандры. Той самой троицы, которая безжалостно вскрыла разум т'ау-эфирного, взяв на бордаж исследовательский космолёт ксеносов типа «Гал'леат» в поисках новой информации, после чего бросила корабль на милость пустотных пожирателей. Той самой троицы, что пересекла несметные поля битв и зоны военных действий, бескрайние просторы времени и пространства, лишь чтобы достичь этого места во время, которое, по крайней мере, пока, они могли считать «настоящим».

— Путь вперёд закрыт, — произнёс Протококос, оглядев вход и его охранный глиф размером с титана, после того как троица остановилась перед циклопическими воротами в конце нисходящей теснины.

— Так и есть, — согласился Опадос, окинув их поверхность взглядом, и одновременно прощупывая защиту пси-чувствами в поисках способа попасть внутрь, — но всегда есть...

— Другой путь, — закончил за него Тритос.

Руки архимагистра начали извиваться и плясать, совершая эзотерические пассы сложнейшего чародейства, дабы свернуть пространство и время, казалось бы, по простому щелчку пальцами.

Лазурная плоть левой руки Тритоса ничем не отличалась от бронированной перчатки, искажающее воздействие тысячелетий соединило мясо, кость и керамит в одно целое, сотворив новую, невиданную прежде варповскую амальгаму.

Когда он приступил к распутыванию ткани реальности, воздух перед колдунами как будто задёргался, скрутился и вспучился, покорно исполняя команды его пальцев. Тут же стали видны пылающие варпруны, расплзающиеся вверх и вниз по наручу левой руки архимагистра. Нити, из которых состояла материя вселенной, распустились прядями розового и синего вещества имматериума, цеплявшегося к его пляшущим пальцам подобно липкой паутине.

То, что началось с нескольких размотанных пучков, вскоре превратилось в зияющую дыру. И сквозь эту

дыру, наложенную поверх запертых врат, маги увидели пыльную тьму, куда не проникал свет мерцающей авроры небесного щита.

Ухватившись за края бреши, Тритос принялся тянуть и расширять границы портала до тех пор, пока не сделал его достаточно большим, чтобы пропустить даже Опадоса, закованного в терминаторский доспех.

— Прошу, — указав на дыру, сказал Тритос. — Вот наш другой путь.

— Мы попадем в само сердце этого места, к желанному трофею? — полюбопытствовал Опадос.

— Нет, — признал архимагистр. — Нижние уровни сферы защищены особой охранной технологией.

— Но хватит и этого, — заявил Протокок. — Там, где не справится колдовство, мы проложим путь к трофею болтерами и клинками.

Одним шагом варп-маг ступил с поверхности кометы-артефакта внутрь безмолвной гробницы. За ним последовал магистр-чародей Опадос, а последним через портал прошёл архимагистр Тритос, по-прежнему стоявший на спине варповского создания.

Дыра затянулась, и на краткий миг гробница озарилось сполохом ведьмовского света. Когда хлопок, коим сопровождалось закрытие портала, стих, затерявшись среди огромных чертогов-усыпальниц, маги на мгновение увидели шеренги золотых воинов, прежде чем те вновь исчезли в тенях, и в зал вернулась всепроникающая тишина.

Естественно, чародеи не нуждались в свете, чтобы разглядеть стройные ряды обитателей мавзолея. Оптические улучшения шлемов позволяли им различить в деталях каждую из неподвижных фигур.

Они походили на скелеты, по форме и размерам напоминая смертных людей, вот только конечности их были металлическими, а сами тела — заключёнными в золото.

Но если души смертных существ полыхали бы перед ведьмовскими взорами магов неистовым огнём, эти бесконечные колонны воинов некронов выглядели тусклыми и мёртвыми, и самым ярким в них оставались начищенные до блеска бронированные корпуса.

Древние воители вполне пришлись бы к месту, стой они на пьедесталах в украшенных статуями галереях закручивающихся серебряных башен Тизки.

— Они мертвы или просто спят? — поинтересовался Протокок, словно обращаясь к тьме.

— А это важно? — хмыкнул Опадос, чей голос шлем искажал до демонического рыка.

— Мы здесь, чтобы освободить пленника, не более, — отозвался Тритос. — Куда ведёт крипта?

Протокок оглядел сумрак, медленно повернув голову влево, вправо, и назад, подобно полуслепому старику, ищущему свет люмосферы. Внезапно он замер, упершись взглядом даже не в арку, а проём в дальней стене гробницы, что рассекал её от пола до самого потолка, достаточно большой, чтобы пропустить целую богемашину.

— Сюда, — сказал он.

— Тогда веди, — произнёс Тритос. — Трофей ждёт.

Трое магов шли вперёд, минуя чертог за чертогом и галерею за галереей, возведённые вокруг измерений богов, а не простых смертных.

Каждое новое помещение ничем не отличалось от предыдущего: стерильное, безжизненное, без намёка на пыль, которую колдуны могли бы потревожить своими шагами; ряды за рядами неподвижных воинво-конструкций в сверкающих золотых латах, тысячами заполнявших похожие на крипты хранилища; высокие стены, украшенные изломанными глифами нефрехской знати, от лордов и владык до таинственных символов отдельных фаланговых отрядов. Единственными звуками, сопровождавшими поход Тысячи Сынов через гробницу, был гулкий звон бронированных саботонов по каменному полу, а также неразборчивый шёпот диска архимагистра.

Каждый раз, покидая один зал и перед тем как войти в следующий, они спускались по древнему лестничному пролёту, высеченному из чего-то похожего на чёрный базальт, тем самым уходя всё глубже в Божью звезду.

Идя по гораздо более длинной и крутой лестнице в очередное сводчатое помещение, Протококос отметил, что если другие галереи наполняли дремлющие солдаты мстительной расы, то этот чертог — по форме напоминавший крест, — представлял собой не более чем место, где расходились дороги лабиринта. И там, где в других комнатах царила неподвижность и сухость, то по полу этого пересечения клубился маслянистый туман, пронизываемый пылинками мерцающего зелёного света, отчего тот напоминал перевёрнутое звёздное поле.

Когда Протококос с Опадосом достигли конца лестницы, и их саботоны погрузились в густую зелёную дымку, они остановились, чтобы оглядеться. Пока варп-маг прокручивал в памяти увиденное в водах гадательного омота, решая, куда им двинуться дальше, остальные молча ждали. И в этот момент до них донеслось гулкое лязганье лап автомата и гул гравитических механизмов.

Они были не одни.

— Там! — воскликнул архимагистр Тритос, указав венчавшей психосиловой посох золотой головой кобры на чёрный силуэт, показавшийся из квадратной дыры служебного лаза.

Существо имело типичное для некронского автомата бронированное покрытие, а также горящий зелёным сенсорный модуль с энергетическими катушками, но во всём остальном оно напоминало многоногого арахнида.

Тритос оглядел доисторического робота с пристальным вниманием того, кто считал, будто знает о создании совершенно всё, ибо знание — самое лучшее оружие.

В отличие от их хозяев-некронов, древние робоконструкции наподобие этой никогда не спали, непрерывно ухаживая за гробницей, обслуживая стазисные системы и поддерживая в рабочем состоянии Божью звезду столетиями напролёт, зон за зоном.

Паук в свою очередь уставился на Тритоса, поднявшись на один уровень с парящим колдуном и подвергнув его настоящему шквалу сенсорных сканирований, которые пробежались по одеяниям и доспеху астартес широкими лучами тусклого нефритового света.

Диск под ним вздрогнул.

— Вот и началось, — промолвил архимагистр. — Больше наше присутствие не тайна.

Гудение двигательных механизмов паука резко усилилось в громкости, и конструкция встала в более угрожающую позу, занесши конечности-клешни для нападения.

Силой мысли Тритос метнул в автоматона копьё психической энергии, откинувшее существо через перекрёсток в одну из чёрных каменных стен. Раздался резкий треск, за которым последовал глухой грохот, и паук исчез в шаре зелёного огня, вырвавшемся из его панциря, когда силовое ядро получило критическое повреждение и мгновенно испарило часового дрона.

— Братя, — сказал Тритос, и теперь в его голос закралась нотка настойчивости, — нужно идти. Быстро!

— Сюда! — отозвался Протококос, поведя троицу в левое ответвление перекрёстка и по ещё одной крутой лестнице вниз, в тишине гробницы уже слыша лязганье новых механических манипуляторов.

Туман медленно перекачивался через ступени каскадом конденсирующегося криопара, а чёрная шахта лестницы постепенно расширялась, пока не превратилась в стены огромного чертога. От пола до потолка на целых пятьдесят метров вздымались похожие на вытянутые обсидиановые жеоды колонны, чьи зеркально-чёрные поверхности отражали струившиеся внутри мерцающие, жидко-зелёные импульсы света, а меж самих столпов время от времени с громким шипением проскакивали искрящиеся дуги изумрудных молний.

На сей раз о появлении новых охранников мавзолея чародеев предупредили звонкий стук и скрежет металлических когтей по пульсирующим столпам, поскольку ведьмовскими взорами они не могли увидеть приближения бездушных техносозданий ксеносов.

Они представляли собой такие же многоногие паукообразные конструкции. Машины подобного рода выполняли функции не только сервиторов-ремонтников и смотрителей за спящими хозяевами. Они также могли быть опасными противниками, если требовалось защитить гробницу от любого, замеченного за проникновением в погребальный комплекс.

В отличие от первого встреченного Тысячью Сыновей дрона, что приблизился к ним с настороженным любопытством — по крайней мере, поначалу, — эта группка была готова оборонять усыпальницу с дремлющими в ней обитателями. Их рабочие механизмы уже пощелкивали подобно клешням голодных раков, а корпускулярные излучатели накапливали энергию.

Протококосу оставалось лишь предположить, что первый паук просканировал их и передал то, что обнаружил — и испытал в последние мгновения, — поэтому остальные стражники гробницы перешли в боевой режим, ожидая вторжения во всеоружии.

Но, конечно же, Тритос всё предвидел.

— Уничтожайте арахноформы! — приказал архимагистр.

Прежде чем роботы успели открыть огонь, фаворит Тзинча нанёс удар магией и беспримесной пси-энергией, сопровождаемый прерывистыми, но опустошительно-точными выстрелами из болт-пистолета модели «Инферно» Протококоса, а также губительными очередями из комбиболтера Опадоса.

С доменным рёвом огнедышащего прислужника Меняющего Пути изукрашенное оружие Тритоса накрыло тройку дронов неистовым варп-пламенем, и те, волоча за собой огненные шлейфы, кубарем полетели к полу гипостильного зала.

Один из сбитых пауков понесся напрямиком на Тритоса, но архимагистр оставался неподвижным до тех

пор, пока конструкция не оказалась от него на расстоянии руки.

Ездовой зверь колдуна резко взмыл вверх. С молниеносной скоростью встав на пути у падающего паука, диск вцепился в автомата и принялся стремительно рубить его на части полуорганическими золотыми клинками.

Полегла одна волна пауков, за ней ещё одна, и ещё, однако всё это время в озаряемых вспышках теней продолжали собираться другие существа, мимолётные сполохи энергетических разрядов на краткий миг выхватывали из мрака стеклянные глазные линзы, маслянистые экзоскелеты и острейшие серповидные лезвия.

— Мы должны идти дальше. Нам нельзя отступать, — с мрачной категоричностью заявил Тритос, когда кругом стали появляться конструкции с выступающими позвоночниками и хвостами из подвижного металла, цеплявшиеся за пульсирующие столпы или спускавшиеся со сводчатого потолка исполинского зала.

Протокок огляделся. Путь впереди перекрывали орды робосуществ, некоторые из которых порождали полчища других, меньших металлических созданий. Жукообразные конструкции тысячами роились на полу, каждая из них неукоснительно следовала простому набору подпрограмм, избегая друг друга и любых встречаемых по дороге препятствий в соответствии с заданным комплектом неизменяемых алгоритмов, однако двигаясь подобно цельному вздымающемуся ковру из переливающихся чужеродных сплавов.

— Вирусная нечисть, — раздражённо прошипел Опадос.

— Не бойся, брат, — ответил ему Протокок. — Я знаю, как с ними разобраться.

Сняв с крюка на поясе инкрустированный драгоценными камнями цилиндр, Протокок провернул эмалированную багряную крышку-скарабея, а затем швырнул предмет в бурлящую массу робожуков, стремительно сокращавших расстояние.

Новое солнце разогнало могильный мрак, разметав во все стороны сторающие угольки уничтоженных скарабеев. Но едва сияние плазменного взрыва померкло, стало понятно, что атака Протокока уменьшила ряды роботов лишь на самую малость.

Троица двинулась вперёд, Протокок продолжал бросать пси-нацеливаемые гранаты — ведьмовской взор помогал ему предугадывать, куда должны упасть бомбы, чтобы причинить врагам наибольший урон, — в то время как Опадос с Тритосом помогали расчищать путь сквозь волну металла рассчитанными вспышками сконцентрированной психической энергии, направляемой через сияющие психосиловые посохи.

И всё это время рабы-машины некронов не оставляли попыток задержать троицу, обрушивая свистящий шквал изумрудных энергетических импульсов. Большинство взрывных разрядов автоматов отражались защитными оберегами, коими оградил себя чародеи, рассеиваясь в ряби масляно-фуксинового света на поверхности незримой сферы, что окружала Тысячу Сынов. Тем не менее, изредка импульсы сфокусированного света преодолевали барьер, лишь чтобы отскочить от исчерчённых символами доспехов.

Запас варп-энергии, что притянули к себе колдуны, грозил иссякнуть тем быстрее, чем больше они черпали из него, дабы усиливать пси-щиты и сплести разрушительные заклятья.

Приливная волна скарабеев и пиликающих пауков разделилась, когда из дальнего конца огромного чертога показались ряды идущих в шаг золотых воинов.

— Спящие пробуждаются, — невесело произнёс Опадос.

Там, где золотое окаймление на доспехах Тысячи Сынов ярко пылало в свете разрядов некронского оружия, позолоченные корпуса наступающих воинов за бесщётные зоны выцвели и потускнели, точно так же, как безжалостные тысячелетия не пощадили разумов их спятивших хозяев, которые в своём безумстве взяли в пленники того, за кем явились маги.

Сумрак зала прорезали рассекающие лучи света. Воины считались некронами низжайшего ранга, но оружие, с помощью которого они намеревались дать отпор расхитителям гробницы, являлось мощными артефактами из совершенно другой эпохи, когда в небесах воевали звёздные боги.

— Приносящие Рассвет хотят свергнуть нас во тьму, — промолвил Тритос. — Но мы просветим их и дадим понять, что их время давно прошло. Не ослабляйте напор, братья, и мы научим бесстрашных страху!

Протокок кинул ещё одну плазменную гранату с красным скарабеем поверх голов наступающих воинов. Она приземлилась между стальных мертвецов, и взрывом раскидала две дюжины ксеносов. Опадос омыл человекообразные машины огнём комбиболтера, заключённые в оружии «Инферно» магические энергии наделяли его снаряды силой плавить тела бездушных роботов. Ещё больше разметало меж столпов-жеодов, когда Тритос смёл орду неистовыми ударными пси-волнами.

Летавший над головами неумолимой фаланги архимагистр фокусировал колдовскую энергию через сверкающие рубиновые глаза кобры, что венчала психосиловой посох. Куда бы ни попадали магические лучи, воины распадались на составные части — металл и кристаллические матрицы уничтожались, время оборачивалось вспять, и некроны превращались в те первичные элементы, из которых их создали.

Впрочем, даже чужаки, разбитые чародейскими атаками на осколки, не выходили из боя надолго. Вдоль тянувшегося за колдунами хвоста разрушений оторванные конечности ползли обратно к расколотым торсам, а в глазницах отсечённых стальных черепов вновь разгорался зелёный огонь, как будто желая, чтобы тела после восстановления подобрали их. За сокрушенные остовы, что казались магам не подлежащими ремонту, брались роботы-пауки, чьи конструкционные когти заново собирали двигательные модули и шарнирные соединения, повреждённые ударами Тысячи Сынов.

Продвижение колдунов теперь казалось Протококу медленнее некуда. Межзвёздное странствие на невообразимые, неисчислимые расстояния практически остановилось в гробнице, на расстоянии вытянутой руки от пленника, чей неистовый, солнечно-яркий дух силился вырваться из заключения.

Протокок сосредоточил взгляд на дальнем конце зала, по-прежнему находившемся в полукилометре от них — если в этом мёртвом пространстве он мог верить дальномеру системы прицеливания, — и увидел, что там, в тенях, двигалось нечто исполинское. Оно походило на одну из древних статуй Тизки, ожившую и обретшую форму из удушающей тьмы. Подошвами сабонов чародей ощутил, как дрожит земля от его мощной поступи, даже более тяжёлой, чем у хелбрута.

Как один, без слова предупреждения от варп-мага, терминатор-колдун и архимагистр повернули головы и увидели то же, что он.

Подобно клинку зелёного пламени гипостильный зал прочертил луч света, и сфера магической защиты вокруг Тритоса исчезла во взрыве. Демон-диск пронзительно завопил от боли, когда смертельный

выстрел из гаусс-пушки уничтожил его созданное из варпа тело и костяно-металлические клинки.

— Магистр! — воскликнул охваченный холодным шоком Протокок. Впрочем, он с Опадосом не могли сделать ничего, кроме как с ужасом наблюдать за тем, как второй губительный луч, устремившийся следом за первым, на сей раз попал в самого архимагистра.

На их глазах нижняя половина его правой руки дезинтегрировалась. Поначалу в ничто обратилась латница с наручем, после чего на молекулярном уровне рассыпалась кожа, плоть и кость. Гаусс-лучи пожирали тело Тритоса, сдирая с него слой за слоем, митохондриальную цепочку за митохондриальной цепочкой, постепенно разрушая колдуна, несмотря на все усилия, что прилагали его трансчеловеческая физиология и варп-обереги, дабы восстановить фрактально распадающуюся плоть.

— Вы должны выбраться отсюда и закончить нашу миссию! — велел архимагистр, одновременно сплетая то, что, как ощутил Протокок, станет его последним заклинанием.

Тритос вытянул левую руку, широко расставив лазурные пальцы, и в тот же миг воздух вокруг него как будто застыл — но не от холода, а во времени. Приблизившиеся дезинтегрирующие лучи чужаков остановились в миге от соприкосновения с бронёй чародея.

Но на этом заклятье не остановилось, а начало расходиться от архимагистра потрескивающей сферой зеленовато-голубой энергии.

Всё, чего касался расширяющийся пузырь, замирало на месте. Пауки зависали в воздухе. Некроны останавливались на полушаге. Опаляющие импульсы гаусс-энергии становились пылающими зелёными ледышками, прилипшими к стволам оружия воинов.

И заклятье-сфера продолжала расти и шириться.

Вспыхивающие лучи гаусс-света, попадавшие в сверкающий барьер, подвергались тому же воздействию, застывая во времени подобно замёрзшим в зимнем пруду рыбешкам.

— Бежим! — крикнул Опадос, и оба колдуна ринулись к вытянутой арке, ведущей прочь из громадного зала.

— Он пожертвует собой ради нас? — на бегу выпалил Протокок.

— Разве ты на его месте не поступил бы также? — без обиняков спросил Опадос.

А затем перед ними появился колосс некронов. Титан, сотворённый из металла и исполненный стремления убивать, обратил на пару чародеев синаптические облитераторы, намереваясь уничтожить их мощным залпом субатомных частиц. Подобный выстрел мог разрушить молекулярные связи внутри самих клеток метачеловеческих тел незваных гостей.

Но Опадос уже произнёс заклинание, что спасёт их. На самом краю визора Протокок увидел, как увитый красными прожилками алебастровый скарабей, закреплённый на нагруднике терминатора, задёргался и задрожал, а затем расправил крылья, явив скрывавшийся под ними колеблющийся плюмаж из драгоценных камней, когда связанный с колдуном-магистром фамильяр пробудился по воле своего хозяина.

Грифовая форма ручного тзинчитского духа Опадоса высвободилась из эзотерических уз загадочного доспеха чародея и встрепенулась, взъерошив перья и открыв клюк, из которого вырвался резкий визг. Взрыв в воздух, дух устремился к конструкции. Радужный пух демонического создания замерцал, словно

объятый пляшущим пламенем, а в следующее мгновение сущность, подобно фениксу, исчезла в ревущем лазурном зареве.

Поглотивший фамильяра огонь омыл насекомообразный черепной орган управления конструкции, сбив системы наведения колосса.

Пока вырвавшийся из нематериального тела демона-духа ураган пси-пламени бесновался вокруг головы гигантского некрона, Протокок с Опадосом, ещё преследуемые останавливающим время заклинанием, прошли между многосуставных ног исполина и переступили порог арки.

Варп-маги услышали жужжание включившегося силового поля, и портал позади них закрыл мерцающий гаусс-барьер. Некроны опоздали на самую малость.

На мгновение оглянувшись, Протокок увидел, как синеватая хрономантическая волна ударилась в охранный щит, и там остановилась. Все находившиеся в зале стали жертвами останавливающего заклинания, включая самого архимагистра, уподобившись застрявшим в янтаре мухам.

За гипостильным залом Протокок с Опадосом прошли через опустевшее хранилище, а оттуда спустились по очередной лестнице, которая в итоге вывела их к ониковому мосту. Сооружение протянулось над расселиной между двух высоких стен со светящимися цепями и такими же чёрными металлическими сооружениями, как в других частях могильника.

Они остановились у края бездны. Стены ущелья вздымались над ними, насколько мог разглядеть Протокок или оптические сенсоры его доспеха, и спускались так глубоко, что терялись из виду. У моста отсутствовали поручни или клетка, ибо вопросы безопасности и предотвращения травматизма совершенно не заботили бессонных служебных машин, которые перемещались по этому маршруту в ходе обслуживания гробницы.

Посреди противоестественного каньона высился столп двадцати метров в диаметре, с высеченным проходом там, где его пересекала дорога, и внутри Протокок заметил пульсирующий энергией кристаллический узел. Мост выходил с другого края невероятно высокой колонны и заканчивался на угловатой платформе, выступавшей из стены на противоположной стороне ущелья перед запертыми воротами.

— Хранилище! — воскликнул Протокок. — Вот что я видел в своём видении.

— Знаю, — с закравшимся в голос ликованием ответил Опадос. — Мы уже близки к завершению миссии.

Не проронив больше ни слова, варп-маг и закованный в терминаторский доспех колдун-магистр зашагали по мосту, не сводя глаз с двери в хранилище.

Здесь, в сердце Божьей звезды, царил тишина, казавшейся слишком жуткой после грохота сражения в зале.

По пути Протокок разглядывал зловещие сооружения могильника. Гладкие чёрные стены по-прежнему украшали геометрические узоры-глифы некронтир, которые также слабо озаряли неизведанные глубины рукотворной кометы. Но чем пристальней он всматривался, тем сильнее в глаза бросались следы запустения — неравномерно мерцающие символы, изъеденная ржавчиной странная каменно-металлическая поверхность столпа, к которому они приближались, а также сочившиеся из скрытой сети ветхих труб маслянистые жидкости.

Они вошли в камеру с силовым узлом внутри колонны, и ощутили в воздухе исходящую от кристалла пульсацию машинного сердца.

На выходе из помещения располагался передатчик, ибо стоило им вновь ступить на мост, Протокок засёк в дальнем конце дороги движение. Расположенные в нишах под аркой батареи гаусс-свежевателей (которые до их прибытия были наведены на вход в хранилище) теперь нацелились на колдунов. И, поскольку ни один из них не передал нужных кодов отмены, орудия открыли огонь.

Под ужасающе мощным обстрелом гаусс-батарей Протокок с Опадосом быстро отступили обратно в камеру с силовым узлом.

Гаусс-батарей умолкли, но остались в боевом режиме, по-прежнему держа на прицеле мостик и готовые дать залп лучами, если только воины Тысячи Сынов сунутся туда снова.

Чародеи, вставшие по обе стороны выхода, обменялись взглядами.

— Не печалься, — сказал Опадос, словно прочтя тревожные мысли Протокока. — Всегда есть...

— Другой путь? — догадался варп-маг.

— Истинно так.

Секунду терминатор-колдун изучал передатчик и решал, как именно тот соединялся с другими цепями систем.

— Уничтожим узел, и защита врат отключится, — наконец, пришёл он к выводу.

— И как мы это сделаем? — любопытно спросил Протокок.

— А как ещё? Тем же способом, что помог нам проникнуть так глубоко в гробницу. С помощью неодолимой силы и неумолимой решимости.

Широко разведя бронированные руки, Опадос ухватился за пульсирующий кристалл, так что его фасетчатые грани пошли трещинами под сокрушительной мощью латниц, и потянул.

Со стоном сервоприводов и мучительным треском металла узел начал крениться на Опадоса. Вдруг раздался хруст, и кристалл резко дёрнулся вперёд, когда внутри него лопнул некий важный элемент.

Из разорванного соединения, словно полчища электромоскитов, с потрескивающим жужжанием посыпались снопы искр, усеивая пол осколками обгоревшего сплава.

Опадос потянул снова, и с громким хрустом полностью выдрал кристалл из креплений. Не останавливаясь, чародей опрокинул его на пол, где тот разлетелся похожими на кварц осколками размером с кулак.

Из разрушенного энергетического узла вырвались дуги энергии, подвергнув остальные системы в помещении фактически замкнутой молниевой буре, что захлестнула всё внутри, включая двух колдунов, электрическим свечением.

Протокок с радостью омылся в хлещущей энергии. Хоть магический доспех защищал его от худших последствий высоковольтного разряда, он всё равно почувствовал, как тот заплясал по коже, когда боевой доспех на миг вспыхнул багрянцем.

А затем шторм миновал, ощущение прошло, и отсек погрузился в противоестественный мрак могильника.

Варп-маг с трудом отвёл глаза от разрушенного узла и перевёл внимание обратно на вход в хранилище по ту сторону расселины. Подсвечиваемые стволы гаусс-свежевателей померкли и опустились.

— Что я тебе говорил, брат? — возликовал Опадос. — С помощью неодолимой силы и неумолимой решимости можно добиться всего!

— Я запомню это, — отвечивал Протокок.

Внезапно почувствовав неподалёку чьё-то присутствие, варп-маг поднял глаза и заметил, как нечто скользит в масляной тьме, что растекалась за тусклым сиянием гигантских династических глифов.

Возможно, его предупредило подсознательное ощущение работающих гравитических суспензоров, либо неуловимое изменение воздушных потоков, но точно не пси-чутьё — в этом месте бессмертия его ведьмовской взор был столь же слеп, как просперская пещерная саламандра. Незванный гость являлся очередным бездушным прислужником некронов.

Существо двигалось будто привидение, появляясь то тут, то там, как если бы не ограничивалось перемещением в трёхмерном пространстве. Оно имело насекомообразную голову, крабовые клешни и гибкое змеиное тело, заканчивавшееся острым шипом.

Пока Протокок целился из болт-пистолета «Инферно», Опадос вскинул собственный заколдованный комбиболтер, и едва руны на сделанной ремесленниками ствольной коробке запульсировали жизнью, открыл огонь.

Однако спустя долю секунды сыновья Магнуса с потрясением увидели, как снаряды прошли сквозь мгновенно исчезнувшее существо.

— Это призрак, — заявил Опадос, — в сущности, тот же механоидный зонд, но с матрицей пространственной дестабилизации, позволяющей ему фазироваться в реальности. Он способен настроить матрицу даже на то, чтобы разные части тела одновременно находились в разных измерениях, хоть это и быстрее истощает запасы энергии.

Протокок выстрелил снова, однако робот ещё раз стал неосязаемым, будто дух варпа. Зачарованный болт-снаряд раздробил колонну за механической конструкцией, вместо того чтобы причинить вред ей самой.

— Я сталкивался с ними при исполнении обряда Великого Изничтожения в кампании на Жатвенных звёздах.

— И тогда ты их победил?

— Да.

— Как же мы убьём их теперь? — требовательно спросил Протокок, не переставая стрелять по мерцающему существу.

Какой бы мудростью ни собирался поделиться волшебник, голос терминатора резко пресёкся, когда вокруг него возникла бесплотная фигура второго привидения. Убийца-невидимка уже стискивал Опадоса в своих объятиях. Как только он обрёл телесную форму, то же случилось со скоплением извивающихся,

похожих на червей серебряных щупалец и мерцающей клешней, что в фазированном состоянии проникли в жизненно-важные органы колдуна-магистра. И теперь, вернувшись обратно в реальность, они разорвали генетически улучшённое тело Опадоса изнутри, и из решетки шлема воителя брызнула кровь.

Изображение терминатора-колдуна, передававшееся Протококу через сенсорные системы визора, замерцало, будто испорченная пикт-запись. А затем он увидел за Опадосом стену на дальней стороне разлома, когда колдун размылся и стал прозрачным, как призрак варпа.

Сделавшись таким же нематериальным, как настигшее его привидение-некрон, Опадос просто отступил назад, тем самым легко высвободившись из хватки хранителя гробницы. В ответ дух вновь фазировался из реальности, и оба принялись кружиться в пространственно-временном танце, оставляя за собой след из фантомных образов.

Сражаясь с нереальным призраком в пространствах между измерениями, Опадос отдал заморожено наблюдающему за боем Протококу последний приказ, в сплосхе пси-проекции раскрыв варп-магу свой план.

+ Закончи дело. Освободи пленника. +

В тот же миг первый дух материализовался и заскользил со столпа вниз, направляясь к Протококу. Но пока он пролетал мимо сцепившегося с привидением терминатора-колдуна, Опадос шагнул обратно сквозь завесу реальности. Вновь обретая телесность, он вытянул руку и поймал некрона за мечущийся хвост.

Призрак дёрнулся назад, яростно извиваясь в попытке освободиться, но безжалостный терминатор не ослаблял хватку. Обе его руки взорвались пламенем, которое тут же переметнулось на каноптековое творение.

А затем привидение фазировалось вместе с Опадосом, и трое дуэлянтов продолжили танец сквозь измерения.

Опадосу удалось выиграть для Протокока столь нужное ему время.

Кинувшись по мосту, варп-маг не останавливался до тех пор, пока не достиг огромных чёрных дверей хранилища. Гаусс-пушки в заглублённых нишах остались неподвижными, предоставив Протококу свободный доступ к пульте.

После столетий тщательнейшего планирования он вплотную подошёл к финалу поиска. Осталось преодолеть ещё одно препятствие, прежде чем он сможет освободить пленника.

Опустив левую руку на чёрный металл-камень арки, Протокок сфокусировал мысли на пульте. Открывая колодец души, отслеживая нити судьбы до самого далёкого прошлого, внутренним оком он прозрел композитный чужеродный сплав портала и увидел погребённые внутри таинственные механизмы. Он увидел, как выстроились подвижные части в последний раз, когда отпиралось хранилище, расшифровал маршрут, по которому сквозь сложную, похожую на нервную систему, цепь прошли электрические импульсы и, превратив мысли в телекинетическую энергию, заставил их вновь занять те позиции в том, что было настоящим.

С шипением криогенных газов дверь в хранилище поднялась в стену.

Поначалу Протокок увидел внутри лишь клубящиеся облака стазис-тумана. Когда эзотерические системы шлема пробилась сквозь густую дымку, то зарегистрировали внутри помещения череду возвышений. Но именно то, что он узрел ведьмовским взором — используя чувства, что не были ни естественными, ни штучными — вновь всколыхнуло в его двойных сердцах надежду, что он ещё может выполнить миссию, на которую отправился с остальными так много лет назад... Или то время ещё не настало?

Едва он убрал руку с косяка, потайные замки вернулись в исходное положение, и дверь начал опускаться, заставив Протококса быстро переступить порог.

Хранилище с глухим грохотом закрылось. Мгновением позже из дальнего конца помещения докатился звук, похожий на рёв боли или ярости, или всего сразу. Протокок заколебался, подавленный масштабом того, что собирался содеять. Отголоски рёва стихли, сменившись звериным дыханием и лязганьем тяжёлых оков.

Стазис-туман стелился по полу тессерактового зала, струясь вокруг оснований чёрных каменных возвышений, на каждом из коих стоял трофей, застывший в луче мерцающего зелёного света, который, как знал Протокок, был далеко не просто источником освещения.

Сокровища, хранившиеся внутри чертога, были отняты у юных галактических рас. По мере приближения к заветной цели он мимолётно оглядывал каждую: раздробленный шлем ведьмака-провидца альдари; грубый, твёрдый череп орочьего вожака, в глазнице которого до сих пор торчал примитивный оптический имплантат; разведывательный дрон, определённо принадлежавший т'ау; силовой меч с символикой и орденскими лентами Адепта Сороритас; и даже споровая мина тиранидов, захваченная в момент взрыва.

Помещение более походило на музей, чем на темницу. Мавзолей диковинок, собранных эксцентричными архивистами Нефрехской династии.

Однако Протокок продолжал идти дальше. Теперь вдальке он видел ведьмовским взором ярко горящую душу, обжигающее пламя разъярённого, заключенного в клетку духа. Лучший трофей архивиста. И его.

Гремя саботонами по ониксовому полу, варп-маг приближался к пленнику с чем-то напоминающим почтительность.

Металлические рёбра жесткости и чёрная каменная кладка между ними придавали залу вид грудной клетки, так что Протококсу казалось, будто он идёт сквозь истлевшие останки давно мёртвого звёздного зверя, изменившегося под воздействием времени и странных технологий некронтир.

В дальнем конце помещения, за бесконечными рядами возвышений с артефактами ксеносов и утраченными сокровищами тысячи империй, собранных с миллиона миров, на вершине платформы, сложенной из гаусс-обработанных концентрических круглых камней, и сглаженной дымкой криогаза, Протокок увидел громадный силуэт. От его шагов туман рассеялся, и впервые за всё время он узрел пленника собственными глазами.

Запертый в кольце из живого металла, украшенном цепями-глифами некронов, и удерживаемый внутри потрескивающей сферы сине-зелёного света, находился он — узник Божьей звезды, тот, к которому Протокок шёл столько жизней. Шёл, чтобы освободить.

Услышав, как маг внезапно остановился, и оттого бесспорно встревожившись, пленник издал ещё один

наполненный яростью и болью рёв.

Втрое выше чародея и вдесятеро тяжелее, едва умещавшийся в металлической шкуре, он был монстром в самом истинном понимании этого слова — гротескным слиянием плоти и брони.

Искажённый керамит его тела-корпуса отливал тем же бирюзовым блеском, что боевой доспех самого Протококоса, и был окаймлён золотом, а нагрудник украшал резной скарабей из красного алебастра.

Над кирасой, внутри обрамлённой вьющимися золотыми рогами металлической пасти с серебряно-стальными зубами, находилось яростное лицо заключённого. Бирюзово-золотой череп легионера в чём-то напоминал металлическое лицо одного из пробуждённых воителей Божьей звезды.

Но Протококос знал, что это была лишь скульптурная посмертная маска, а не истинный лик сына Магнуса, заживо погребённого внутри огромной машины. Физическое тело узника теперь представляло не более чем комок органов, костей и нервных ганглий, ибо в процессе жертвоприношения с него сняли кожу и подвергли мутагенному воздействию чистого варп-пламени, прежде чем поместить в амниотический мешок. После его упрятали в похожую на гроб пасть хелбрута, где тот стал движущей силой извращённой варпом дредноутской брони. Невыносимые страдания заключённой внутри обречённой души слились в одно целое с системами управления хелбрута, и с тех пор вели боевого колосса в сражение.

Но это не стало окончанием физической жизни несчастного, ибо внутри механического остова хелбрута плоть приобрела новые формы, разрастаясь, заполняя каждый пустой проводник и постепенно подчиняя двигательные системы чудовищного машинного творения себе. Пульсирующие, увитые венами мышцы подобно раковой опухоли закрыли сочленения мощных поршневых ног и обхватили бронированный наруч гигантского кулака-когтя на месте правой руки хелбрута.

Левая рука у существа отсутствовала, её заменял клубок извивающихся щупалец, что были в равной мере механическими протезами и мясистыми розоватыми придатками естественного происхождения.

Однако и кулак, и хлёткие плети хелбрута, а равно и довершавшие массивные металлические ноги копыта удерживались в прочных металлических зажимах, что являлись частью сковывавшего его обода. Несмотря на подпитку безграничной яростью, вызываемой муками продолжающейся жизни, а также неугасимой ненавистью к тем, кто обрёк его на подобную судьбу, психопатический организм не мог освободиться.

Существовала ли худшая участь для ходячей машины разрушения, нежели находиться здесь взаперти, лишённой возможности сражаться, пока в каждой частице тела звучала песнь сирен, зовущая в бой?

Продолжив путь к платформе, варп-маг простым жестом отключил последние защитные системы, и сфера сине-зелёной энергии растаяла.

Ощувив изменение, хелбрут Тысячи Сынов задёргал оковы с удвоившимся рвением, рыча подобно самцу грокса.

— Успокойся, — тихо и спокойно промолвил Протококос, — я понимаю твою боль.

Машина-зверь продолжила трястись и натягивать зажимы, а слова чародея, похоже, лишь ещё больше разозлили его.

— Я тебя знаю. Ты — Конец Всего Сущего. Ты — Смерть Душ, и судьба предсказанная. И я называю тебя

Танатосом.

Хелбрут вдруг застыл, лишь изредка пофыркивая.

Протокок заколебался. Он стоял теперь настолько близко к зверю, что мог извлечь из его изувеченного разума воспоминания, и напомнить ему, кем он когда-то был. Внутренним оком он просмотрел рваные воспоминания, будто повреждённую пикт-запись.

Он судорожно вздохнул, испытав в тот миг то, что тогда чувствовал сам Танатос — боль, ярость и предательство.

— Теперь я вижу! — ахнул Протокок. — Я вижу, как тебя обманул Сутек из Братства Праха, и как на Бав'илиме ты пал пред воротами Мосака, а затем, спустя сотню лет, тебя откопали из-под руин Приносящие Рассвет, некроны Нефрехской династии, и доставили сюда.

Хелбрут оставался неподвижным, и его действия, а, точнее, их отсутствие, убедило Протокока, что существо внимает словам, исходящим из его рта подобно мантре. Неравномерно моргающие глаза, на коротких стебельках выраставшие из панциря, с неподдельным интересом наблюдали за тем, как он приближается к помосту.

Всё его тело напряглось от перспективы того, что ему судилось совершить.

— И ты знаешь меня, — продолжил Протокок. — Ты слышал мой голос в стазисной дрёме. Ты слышал, как я зову тебя сквозь зоны, через бездну пространства и времени. Ибо я — Протокок Всевидящий, первый, и я пришёл освободить тебя.

Огромный монстр не шевельнулся, когда колдун начал подниматься по ступеням. Оглядев зажимы на кулаке и хлысте исполина, он воздел обеими руками клинок из звёздной материи, и вокруг острых кромок связанного проклятием оружия стали извиваться молнии пси-энергии.

Напрягшись, Протокок подпрыгнул в воздух, его багровый плащ взвился следом, и с помощью телекинетической силы воспарил над хелбрутом. Полетев обратно вниз, он вогнал острие психосилового меча меж серебряных клыков в разверзнутую пасть демонического дредноута.

Заряженный энергией клинок с воплем вошёл в керамитовый каркас, рассекая кабели и фибропучки искусственных мышц. А затем Протокок ощутил, как сопротивление ослабло, когда острый, как алмаз, кончик клинка погрузился в амниотический мешок с бранными останками несчастного, обречённого на существование в машине-тюрьме.

Крик хелбрута разнёсся по залу, стоило заключённому сыну Магнуса ощутить тёмное забвение смерти, подбирающееся к его органическому телу.

Из нанесённой смертоносным мечом раны, пузырясь, хлынула маслянистая кровь вперемешку с вязкой жидкостью. Тот, что звался Танатосом, забился в оковах, восставая против всепоглощающей тьмы и конца, предопределённого десять тысяч лет тому назад.

— Не сопротивляйся, — мягко сказал Протокок зверю. Упёршись ногами в нагрудник хелбрута, он надавил на клинок сильнее. — Я принёс тебе милосердное избавление. Я пришёл сюда освободить тебя, и я выполняю свой долг.

Хелбрут взревел снова, решив не сдаваться так легко. Протокок услышал резкий хруст, когда нечто внутри древнего кольца-цепи, деградировавшее на атомном уровне, поддалось.

— Я понимаю, брат, — заговорил варп-маг, пытаюсь сохранять прежний спокойный тон и одновременно держаться за наверхие клинка, что действовал как проводник для неистовой мощи его полыхающего пси-огня. — В твоём опустошённом безумием разуме остался всего один вопрос — почему? Почему это происходит со мной? Я знаю, ибо то же происходит со мной. И в надежде, что это избавит твою душу от страданий, я попытаюсь объяснить.

Хелбрут продолжал трепыхаться в сковывающем кольце, и с протестующим металлическим стоном внутри устройства сломалось что-то ещё, дав Танатосу большую свободу движений.

— Я понимаю, ибо мы с тобой едины.

Но колосс больше не слушал, содрогаясь в предсмертных муках. И всё же Протококос продолжил, хотя бы ради самого себя.

— Наша троица отправилась на свою миссию и преодолела защиту рукотворного мира-гробницы некронов, так называемой Божьей звезды. Лишь трое. Но этого всё равно хватило, чтобы сделать необходимое.

— Это я первым раскрыл нашу страшную судьбу в ходе ритуала прорицания, хотя сомневаюсь, что ты помнишь. Но я не обладал достаточной силой, чтобы предпринять какие-то действия и избежать такого будущего. Тогда я замыслил обрести её, освоить необходимые обряды и обрести магическую власть над временем, дабы вмешаться и спасти будущего себя — тебя, Танатос — от такой адской участи.

— Только став возвышенным братом легиона, добившись нужной власти над варпом, а также приняв имя Тритос в честь своих свершений, я сумел посредством манипуляции временем собрать вместе свои более юные я, тех колдунов, которыми я нынешний пока ещё не стал, дабы мы отправились в странствие и спасли тебя от мучений. Хотя, с моей точки зрения, Тритос пришёл ко мне всего спустя пару месяцев после моего открытия, и мы вместе пошли бороться с судьбой.

— Но ты, конечно, этого не помнишь, и вот почему я должен избавить тебя от столь мучительного существования. Остальные выиграли для меня время, чтобы завершить миссию. Ибо пока я буду жив, их можно будет спасти. Нас можно будет спасти.

— Я изучил остатки твоего разума, и из немногих сохранившихся воспоминаний узнал, как ты оказался в таком состоянии, как тебя перехитрил Суток Обманщик и заключил в проклятом теле-бронне. Я больше не пойду по этому проклятому пути. Я не разделю с тобой такую судьбу.

— А теперь, Танатос, Конец Всего Сущего, настал твой конец.

Со скрежетом рвущегося металла хелбрут наконец вырвал кулак из зажима. После отключения потрескивающей энергетической сферы оковы монстра перестали быть достаточно прочными, чтобы удержать его.

Одним быстрым движением монстр поймал Протококоса сокрушающим когтем. Боевой доспех смялся в хватке хелбрута, заставив мага закричать от боли. Ребристые пластины цвета бирюзы и золота впились в плоть, которую им следовало защищать, разрывая вены и артерии, и пронзая мириады улучшенных органов. Автомышцы и сервомоторы закоротило, и итоговые импульсы электрических разрядов запульсировали в сердечно-сосудистой системе Протококоса, нарушив ритмичное биение двойных сердец.

— Танатос, стой! — выдавил варп-маг сквозь пузырящуюся кровь, что подкатила от лёгких к горлу. — Ты

погубишь нас обоих!

Однако Танатос из Тысячи Сынов — теперь не более чем жестокий зверь — уже его не слушал.

В этот момент кристальной ясности времени Протокок осознал, что вся его миссия по спасению себя от судьбы изначально была глупой затеей. Так или иначе, ему было предназначено пасть жертвой безумия, в которое погрузилась его душа после заключения в хелбруте.

После отключения глушащего экрана силовой хлыст Танатоса вновь наполнился энергией, и хелбрут, напрягшись, вырвал механодендриты из оков.

Извивающиеся щупальца из металла и мышц обвилились вокруг шеи варп-мага и начали стягиваться.

— Стой! — захрипел Протокок Всевидящий. — Ты не понимаешь, что творишь! — Больше он не успел ничего добавить, поскольку горжет доспеха треснул, и отростки принялись сжиматься на позвоночнике и трахее.

Последним рывком громадной руки хелбрут раздавил латы колдуна словно простую жестянку.

Предсмертный хрип Протокока переродился в психический вопль агонии и гнева, в беспримесную, неукротимую энергию, что нашла выход через меч из звёздной материи. Белый огонь рванул по чёрному лезвию в амниотический мешок с жидкостью и генетически улучшенной плотью, вскипятив то немного, что оставалось от некогда могущественного чародея из секты Багрового Скарабея.

Крики умирающего хелбрута эхом прокатились по хранилищу некронов, а заключённый в огромном кулаке чародей безвольно обмяк, когда искра его жизни окончательно погасла и канула в безмолвие.

Корпус монстра, омываемый искрящимся варповским пламенем нереальных радужных цветов, стал распадаться. С него посыпались хлопья бирюзовой краски и тонкие частички сусали, подобно горящим клочкам пергамента, взмывающим над погребальным костром. Одновременно с этим украшавший его нагрудник багровый скарабей смялся, превращаясь в стекловидную пыль, а искажённая плоть, которой обросли конечности, начала рассеиваться и смешиваться со стазис-газом, что всё ещё клубился в помещении, прежде чем испариться полностью.

Протокок погиб, а потому не сможет стать закованным в терминаторские латы Опадосом из банды Девяти Королей, который в свою очередь уже не возвысится до ранга вознесённого архимагистра культа Времени. Теперь, когда гобелен жизни варп-мага распустился, его будущее вновь стало податливым, изменчивым, ненаписанным.

Распад ускорился, когда сначала почти непробиваемый панцирь брони хелбрута, а затем, по мере обнажения — жилы и провода, наросты костей и автореактивные сервоприводы, вытяжные трубы, дёргающиеся нервные ганглии, каналы подачи хладагента, покрытые метастазами бугры хрящей, механические когти, соединительные ткани и углеродно-волоконистые мышечные пучки — расплелись нитями потенциальности и развеялись незримыми варп-ветрами несформировавшегося пока будущего.

И когда хелбрут исчез из реальности, канув в небытие — словно его не существовало вовсе — исчезла и причина, по которой маги вообще отправились в это проклятое временем место. И, как следствие, одиноко лежащее тело чародея начало распадаться следом.

Божья звезда вращалась в безмолвной ночи, как и бессчётные эоны до этого, свет умирающих солнц

пробивался сквозь окружавшую комету хтонично-зелёную корону, обрисовывая монолитные сооружения, что усеивали её поверхность. Перед гладко-обсидиановой пирамидой пространственно-временной континуум вдруг искривился, и открылся портал.

Первым на обледеневшие чёрные, как космическая бездна камни вышел Протокок Всевидящий, варповый маг легиона Тысячи Сынов, облачённый в бирюзовый боевой доспех. Вторым возник ещё более впечатляющий, закованный в затейливо украшенную терминаторскую броню, чародей-магистр Опадос. Последним из портала, стоя на спине на варп-зверя, сотворённого из синей плоти и украшенной золотыми гравировками стали, вылетел архимагистр Тритос из Вестников Судьбы, мастер-манипулятор имматериумом и тканью самого времени.

Когда троица направилась к пирамиде, двигаясь по наклонной церемониальной дороге, нематериальная воронка закрылась снова, и отголоски хлопка смещённого воздуха пронеслись по поверхности мира-кометы подобно смеху.

Начало.

1. Название рассказа, Journey of the magi, представляет собой отсылку на одноименное стихотворение Томаса Элиота.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Странствие_магов_/Journey_of_the_Magi_\(рассказ\)&oldid=22853](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Странствие_магов_/Journey_of_the_Magi_(рассказ)&oldid=22853)

Эта страница в последний раз была отредактирована 12 мая 2023 в 11:37.